

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-357-368
УДК 821.161.1

Иван Бунин: Три автобиографические заметки

© 2019, П. Деотто

Аннотация: Статья посвящена анализу трех автобиографий, написанных И.А. Буниным на заказ в 1921, 1934 и 1952 гг. и предваряющих сборники рассказов и собрание сочинений, изданные в эмиграции. В них Бунин описывает себя как антиреволюционно настроенного эмигранта и как признанного и активно публикующегося в эмиграции писателя. Однако он переосмысливает эти элементы в зависимости от времени и адресатов, соответственно придавая своей личности разную окраску.

Ключевые слова: И.А. Бунин, автобиография, русская эмиграция

Информация об авторе: Патриция Деотто, д.ф.н., профессор, Университет Триеста, Италия.

E-mail: pdeotto@units.it

Цитирование: *Деотто П.* Иван Бунин: три автобиографические заметки // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 357–368.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-357-368

В наследии Бунина, как известно, автобиографическая проза традиционно играет важную роль. Бунин вложил в дневники, воспоминания, описания собственной жизни много мыслей о литературной работе, эпохе, а также нередко не слишком лестные отзывы о современных ему писателях.

В данной статье мы рассмотрим три автобиографии, представляющие собой вступления к эмигрантским изданиям Бунина: «Письмо к Боссару»¹ (1921), «Автобиографические заметки» («Из предисловия к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско”»)² (1934) и «От автора»³ (1952). Всем этим текстам свойственны признаки классической

¹ *Boumine I.* Le Monsieur de San-Francisco / Traduit du russe par Maurice [Parijanine]; avec un portrait de l'auteur, par Bakst. Paris: Editions Bossard, 1922. P. 7–12.

² *Бунин И.А.* Собр. соч. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 9–12.

³ *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. — Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7–9.

«автобиографии по заказу» как жанра⁴ — в них автор представляет себя не спонтанно, как в стандартных автобиографиях, а явно с учетом запросов заказчиков.

Все три автобиографии имеют целью ознакомить публику с личностью Бунина-писателя. Но появление текста всякий раз обусловлено взаимоотношениями с конкретными издателями, автор сознает важность культурных кодов, которыми управляется окружающее его общество, и идет навстречу читательским ожиданиям. А ожидания эти всякий раз иные, в зависимости от места публикации и от исторического момента.

Первая автобиография напечатана во Франции в 1922 г. В отличие от двух последующих она вышла на французском языке, хоть и была написана по-русски. Она явно предназначалась французской публике, и, кстати, ее текст обрамляется письмом, адресованным парижскому издателю Боссару⁵. Перед нами образец эпистолярного жанра, написанный с четкой и ясной целью, вероятно, заданной издателем: пусть Бунин расскажет о своей жизни в плане литературного творчества.

Синтез автобиографического и эпистолярного жанров интересен сам по себе. В этом сочетании еще заметнее присущая всякой автобиографии дистанция, которая возникает между автором текста и описываемым персонажем. В автобиографиях по заказу эта дистанция тем очевиднее, чем четче стремление пишущего приспособить персонаж к заданному канону.

В начале текста уже присутствуют признаки эпистолярного жанра, в частности графические. Справа проставлена дата «21 июля 1921», слева Бунин напрямую обращается к адресату: «Господин Издатель!»⁶ Непосредственно за этим вводится главная тема письма — автобиографическая. В завершающих пассажах следуют некоторые личные соображения автора о современной России и принятые формулы вежливости.

В автобиографии Бунин, определяя себя как писателя, делает упор на три основных момента собственной личности. Это, во-первых, дво-

⁴ Подробно об особенностях жанра заказной автобиографии см.: *Деотто П.* Автобиография по заказу // «Образ мира, в слове явленный...»: Сб. в честь 70-летия проф. Ежи Фарыно / Red. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce, 2011. С. 83–89.

⁵ В издательстве «Боссар» существовала успешная серия переводов с русского «Collection des textes intégraux de la littérature russe» (1921–1925) под редакцией переводчика Анри Монго (Henri Mongault). Она знакомила французскую публику с творчеством первой русской эмиграции — Ивана Бунина, Зинаиды Гippiус, Александра Куприна и т.д. См.: *Livak L.* L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration // *Cahiers du Monde russe.* 2007. Vol. 48, № 1 (janvier-mars). P. 25.

⁶ Здесь и далее все цитаты приводятся по тексту русского перевода: *Бунин И.А.* Избранные письма; Письмо к Боссару // *И.А. Бунин: Pro et contra.* Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2001. С. 30.

рянское происхождение; во-вторых, знаменитые предки, среди которых были поэты Анна Петровна Бунина и Василий Андреевич Жуковский; в-третьих, глубинная связь с Россией.

Письмо Бунина формально адресовано издателю, но подспудное его назначение — донести до французской читающей публики, что Бунин — воистину русский автор, российский талант, гордый наследник русской литературной традиции. Идя навстречу издателю, Бунин подчеркнул и свою принадлежность к старинному дворянскому роду, тем самым обнаруживая сходство с классиками русской литературы XIX в., широко известными и читаемыми во Франции.

Выбор моментов жизни, на которых сосредотачивается герой-сочинитель, и анализ собственного творчества подчиняются единой цели: передать, что он был знаменит у себя на родине до революции, что его произведения заслуживают успеха и больших тиражей, как причудливая судьба, забросившая его, прославленного мэтра, в вынужденное изгнание.

В начало и в конец автобиографического письма Бунин помещает даты, которые считает важнейшими. Это, во-первых, год рождения (1870) и, во-вторых, май 1918 г. Вторая дата знаменует отъезд из Москвы на юг, бегство от гражданской войны. Отъезд, повлекший за собою двумя годами позже, в феврале 1920 г., бесповоротную эмиграцию.

С памятью детских и отроческих лет, безбедно проведенных в деревне, резко контрастирует тема юности и бурных страстей, переосмысляемая Буниным «с позиций мудрости». Сильная религиозная страсть, как сообщает автор, миновала, не оставив болезненных следов в его душе, а вот страстная тяга к живописи опосредованно сказалась на своеобразии его стиля. Не зря же главной чертой своего мастерства Бунин считает способность создавать «живые» образы, полные жизнеспособия.

В рассказе о жизни, о ее хронологическом течении внимание автора сфокусировано на раннем творческом созревании, раннем вступлении в профессию и высокой оценке литературного сообщества: книги молодого писателя не раз были удостоены премий Пушкина. Бунину, как пишет он о себе, с молодых лет были подвластны самые разные литературные жанры: стихи, переводы, проза.

В связи с этим писатель выделяет две важные даты. Это прежде всего 1909 г., когда он был избран «Почетным академиком». Для Бунина не составило труда передать французской аудитории смысл этого лестного титула: достаточно было прибегнуть к сравнению с «Бессмертными» (“Les Immortels”), т.е. с членами Французской Академии.

Кроме того, писатель акцентирует как принципиально важный и 1910 г., когда вышел из печати роман «Деревня», вызвавший страстную

полемику среди литературных критиков и столь же страстно обсуждавшийся читателями. Эта книга принесла Бунину широкий успех, который «еще больше укрепил» его последующие произведения.

Бунин-биограф анализирует главным образом два аспекта. Во-первых, он пытается определить для французских читателей причины, по которым эта слава оказалась локальной, ограниченной в пространстве и во времени. Во-вторых, он задумывается о собственном провидении, предрекшем тяжкую судьбу России и ее драматичное будущее, которое прозвучало уже в самых ранних произведениях, — в этом сказалось его почти пророческое чувство истории.

Останавливаясь на первом аспекте, Бунин анализирует прежде всего тот образ, который закрепился за ним в истории литературы: личность самодостаточная и независимая, заинтересованная более путешествиями, нежели мелкой славой в литературных кружках, углубленная в проблемы философии, религии, морали и истории, не приемлющая лихорадочной гонки за новизной и сенсационностью в литературе и не заискивающая перед публикой, т.е. далекая от клише и стереотипов сиюминутной культурной моды.

Складывается портрет, который определяет очертания образа Бунина в классической истории русской литературы, — образ творца, существующего «вне» собственной эпохи, связанного с великой русской словесностью XIX в. К этому добавляется восприятие Буниным Первой мировой войны и ее прямого следствия — русской революции, которая ознаменовала для российского общества разруху, разорение и зверство. И всё это произошло, когда плодотворная сила писателя Бунина достигала своего расцвета.

Останавливаясь затем на втором аспекте — почти провидческой способности к предугадыванию, — Бунин полемически возвращается к тому году, когда вышел роман «Деревня». Он горько вспоминает, как отреагировала на это событие часть литературно-критической общественности. Многие обвиняли писателя в том, что он чересчур жестоко и мрачно описал деревенский мир. Бунин-биограф снова напоминает, что представляла собой эта крестьянская стихия. Россия революционных потрясений и постреволюционных перемен описана им как сущий ад, из которого можно только спастись бегством.

В запальчивом, яростном рассказе о судьбе России Бунин подробно останавливается на мытарствах и унижениях, испытанных писателями: их обрекали на жалкие условия жизни, лишали свободы слова и буквально выталкивали в изгнание под страхом смерти. Эти строки Бунина, конечно, были призваны пробудить во французских читателях возмущение тем жутким миром и сострадание к бедственному положению ли-

тераторов, бежавших из России от событий, совершенно не похожих на обещанное «воплощение идеалов».

Дабы выразительнее звучало описание драмы, которую он пережил, прежде чем принял решение покинуть Россию, Бунин использует евангельскую фразеологию: «испив чашу несказанных страданий и напрасных надежд»⁷. Таким приемом неискушенному читателю исподволь передается разочарование, которое пришло за крушением надежд на помощь от христианского мира. Христианского не в чисто религиозном понимании, а скорее в понимании экзистенциальном, в смысле уважения к человеческой личности, к ее достоинству, в смысле обманутых надежд на человеческую поддержку. Этим и завершается автобиография: русский писатель, изгнанник, непосредственный свидетель, передает трагический опыт, полученный в революционной России.

Однако письмо к издателю на этом не заканчивается. Дальше следует довольно пространная рефлексия. Бунин еще подробнее объясняет свою точку зрения, представляя себя писателем-провидцем:

Некоторые критики называли меня жестоким и мрачным... Я смутно страшился за судьбу России, когда рисовал ее, — и моя ли вина, что действительность, та, которой живет Россия вот уже четыре года, сверх меры оправдала мои опасения, что те мои картины, которые казались когда-то даже русским людям слишком черными и неправдоподобными, стали «пророческими», как некоторые называют их теперь!⁸

Повествуя о трагических последствиях российской революции, о бесчеловечности творившегося, Бунин подбирает жгучие слова: «Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия»⁹ (курсив мой — П.Д.). Россия описана через образы Ветхого завета: «казни египетские», «бич божий»... Слышен и апокалиптический подтекст гиперболической конструкции¹⁰.

Конец послания, однако, звучит более умиротворенно. Писатель в духе сорок второго Псалма («Как лань к истокам вод, всё стремится сердце мое к Тебе, Господи!») передает читателям надежду, что Россия снова «вочеловечится». Подобные надежды были живы в среде русских беженцев в первое время, когда многие еще верили, что рано или поздно

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Об употреблении архаичной и сакральной лексики в мемуарной прозе Бунина см.: Ринкер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 625–650.

смогут вернуться на родину, а западный мир, осознав масштабы происходящего, «протянет им руку помощи».

В «Письме к Боссару» главная тема автобиографии, специально оформленная Буниным для французской публики, — тема «знаменитого русского писателя», судьбой оторванного от родины, — не исчерпывается самоописанием в условных рамках жанра. Бунинский текст перерастает в настоящее публицистическое высказывание. Этому способствует эпистолярная форма, задевающая читателей за живое, призывающая задуматься о положении писателей революционной России, людей, лишенных прав на свободное высказывание.

Читателям передается обеспокоенность Бунина крахом традиционных ценностей, «озверением» людей в бесчеловечности революционных бурь, — и не он один сокрушался об этом, с ним совпадали многочисленные русские писатели-эмигранты. Бунина страшат масштабы этих процессов, накладывающих грозный отпечаток на всю современную цивилизацию¹¹.

Тринадцать лет спустя Буниным было написано еще одно введение, на этот раз для первого тома «Собрания сочинений», вышедшего в Берлине в 1936 г.¹² (издательство «Петрополис»), — «Автобиографические заметки» с подзаголовком «Из предисловия к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско”». Эта автобиография в значительной степени воспроизводит уже рассмотренный нами текст, помещенный в «Письме к Боссару» 1921 г. В то же время она отличается от предыдущей: она предваряет собрание произведений, печатающихся на языке оригинала. Это значит, что основным адресатом публикации являлась русская читающая публика, уже знакомая с творчеством Бунина и притом, вероятно, имевшая подобный бунинскому опыт существования в эмиграции.

Рассказ о жизни снова строится хронологически и повторяет основные моменты, присутствующие в тексте 1921 г. В то же время следует отметить, что все этапы, знаменующие начальный период творчества, в данном тексте опущены. Меньше внимания уделено описанию литера-

¹¹ Бунин высказывается на эти темы и в журнальных статьях 1920-х гг., и в публичных выступлениях, см.: Миссия русской эмиграции, Париж, 16 февраля 1924 // Руль (Берлин). 1924, 3 апр. С. 5.

¹² В период с 1934 по 1936 г. престижное русскоязычное издательство «Петрополис», в то время работавшее уже только в Берлине, выпустило собрание сочинений Бунина в 11-ти томах. При этом хронологический порядок не соблюдался: вначале (в 1934 г.) вышли седьмой и второй тома, первый же появился только в 1936 г. Об отношениях Бунина и издательского дома «Петрополис» см.: Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери». Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текста писем и примеч. С.Н. Морозова при участии В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–91.

турной среды, в которой на заре своего творчества вращался и утверждался Бунин-писатель. Выпало разъяснение относительно полученных им почетных наград. Из пассажей о революционных событиях удалены перечни фактов, характеризовавших эпоху, и вычеркнуты многие эпитеты. Таким образом, то, что в тексте 1921 г. использовалось для сгущения красок, чтобы тяготы жизни писателей выглядели драматичнее и читатели прониклись российской действительностью и событиями, в данном варианте сокращено и выглядит скромнее и строже:

Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, *от грабежа, от вина, от крови, от кокаина*, или *позорное* (курсив мой — П.Д.) рабское существование ([1921])¹³

Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, ибо в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, или рабское существование, среди библейских эпидемий ... ([1934])¹⁴

Новая стилевая аранжировка революционных тем, предложенная через 15 лет после первого опыта, который, как мы проследили, являл собой страстный призыв к французской публике, ко всему западному миру, придает тексту новую окраску, преимущественно документальную.

Из длинного рассуждения о русской революции, завершавшего письмо к Боссару, в новом тексте сохранена только библейская реминисценция о казнях египетских («среди библейских эпидемий»), призванная подчеркнуть запредельность испытаний, выпавших на долю людей в революционной России.

За рассказом о жизни, воспроизводящим парижский текст 1921 г., идет приписка 1934 г. В ней Бунин кратко добавляет основные данные о своей жизни во Франции: с 1923 г. он переселился в Приморские Альпы, возвращается в Париж только на некоторые зимние месяцы. В эмиграции им написано шесть новых книг.

Во второй автобиографии Бунин, по запросу издателя, явно стремится обрисовать собственную личность прежде всего в аспекте писательства. Всеми средствами, стилистическими и содержательными, он формирует у читателей образ литератора, глубинно связанного с русской словесностью XIX в. и наделенного исключительным талантом, позво-

¹³ Бунин И.А. Избранные письма. Письмо к Боссару. С. 32.

¹⁴ Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. С. 11–12.

лившим ему и в изгнании выстроить удачную литературную карьеру. В 1936 г. Бунин — знаменитость, он уже три года нобелевский лауреат, его произведения переведены на множество языков мира.

Третья автобиография, «От автора»¹⁵, открывает первый из двух сборников рассказов, вышедших в свет на русском языке в 1953 г. в Нью-Йорке в «Издательстве имени Чехова» — «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар». Исторический и культурный контекст этой публикации кардинально отличался от обстановки, в которой создавались два предыдущих текста. Сборники рассказов, разумеется, предназначались русскоязычной читающей публике, но она вовсе не сводилась к представителям старой эмиграции. Это уже была не та среда, которую с Буниным роднил общий жизненный опыт. Читателями этих двух сборников должны были стать и новые эмигранты, оказавшиеся в Соединенных Штатах после Второй мировой войны, по собственной воле или же волею сложно складывавшихся судеб¹⁶. Именно этим читателям американский издатель придавал наибольшее значение. Поэтому, в частности, он не согласился на требования автора, желавшего печатать тексты с соблюдением дореформенной орфографии¹⁷.

Как и письмо к Боссару, текст биографии построен так, что читателю сообщается: «Исполняя желание “Издательства имени Чехова” даю некоторые отрывки из своих “Автобиографических заметок”»¹⁸. В рассказе доминируют две темы: во-первых, дворянские корни, которым писатель придает весьма серьезное значение, а во-вторых, литературная работа. Рассказывая об аристократизме семьи, как по отцовской, так и по материнской линии, Бунин использует отрывки из справки, написанной для автобиографического словаря русских писателей С.А. Венгерова (1915)¹⁹. В версию 1952 г. добавлена некая подробность (Бунин уточняет, что речь идет о семейном предании): якобы стрелецкий полковник князь Чубаров, предок Бунина по материнской линии, был казнен Петром Пер-

¹⁵ Бунин написал ее, судя по дате в конце текста, 17 октября 1952 г.

¹⁶ См. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 385–390.

¹⁷ Изначально Бунин заявил, что отказывается от заманчивого предложения увидеть три свои книги в печати в американском издательстве, если не будет учтен основной принцип — печатать всё только в старой орфографии. На это издательство отвечало категорическим отказом с мотивировкой, что новые поколения, незнакомые со старыми правилами, просто не сумеют прочесть эти книги. Бунин в конце концов сдался, в частности из-за потребности в деньгах. См.: *Бунин И.А.* Из писем к М.А. Алданову // *И.А. Бунин: Pro et contra.* С. 68–72.

¹⁸ *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. — Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7.

¹⁹ *Бунин И.* Автобиографическая заметка // *Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова / Послел., подгот. текста А.Н. Николоюкина. М., 2004. С. 390–396.*

вым за поддержку царевны Софьи. Тогда же, якобы, царь отобрал у рода Буниных княжеский титул.

В предреволюционные времена Бунин не подчеркивал свое дворянское происхождение: «я же чуть не с отрочества был “вольнодумец”, вполне равнодушный не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с ней»²⁰. Однако в автобиографических текстах, написанных в эмиграции, он уже совсем по-другому отзывается о своей принадлежности к высшему дворянскому сословию. Причина в том, что в эмиграции эта тема наполнилась особыми политическими и культурными смыслами. Она давала писателю возможность заявлять о причастности к исконной, традиционной России, уходящей корнями в заветную Московию.

Именно это проявляется в разбираемой нами третьей автобиографии. Бунин не случайно вставил туда сюжет о своем предке, посмевавшем противиться самому Петру. Точно так же и Бунин противился новому укладу, воцарившемуся на его родине вследствие ненавистной, зверской российской революции.

Бунин рисует себя как носителя и защитника традиций, глубокого знатока русской деревни. В этом духе освещена им история выхода повести «Деревня», сразу принесшей Бунину и успех, и «страстные враждебные отклики» коллег и журналистов. В других рассматриваемых нами автобиографических текстах Бунин, рассказывая об этой истории, употреблял более мягкие выражения: «страстные споры» и «страстные отклики». Ныне же, оглядывая прошлое с новой временной дистанции, Бунин, как видим, прибегает даже к эпитету «враждебные». Тем самым он более наглядно передал разрыв между своим подходом — правдивое, объективное повествование о российском крестьянском укладе — и подходом «прогрессивной общественности», предпочитавшей взирать на народ идеалистично, чем, по сути, и подпитывались силы, породившие и неудержимый бунт, и его следствие — русскую революцию.

Создавая автопортрет, Бунин представляет себя как «в первую очередь писателя». При этом он возводит линию наследования к великим предкам и пользуется случаем напомнить, что сам Пушкин называл Жуковского «своим учителем». Подчеркивает Бунин и тему духовного сродства с Толстым, общего происхождения из срединных российских областей, общего набора основных литературных наград. Рассказывая об избрании в число двенадцати членов Российской Академии наук, Бунин тут же гордо отмечает: среди двенадцати был и Толстой.

²⁰ Там же С. 390.

Толстой оказал на Бунина глубокое влияние как в личном, так и в художественном планах и всегда интересовал его как предшественник, предтеча. Живя во Франции, Бунин посвятил Толстому детальное исследование-монографию, очень тепло принятую публикой, и не только русскоязычной²¹. Всем этим Бунин декларирует свою связь со Львом Толстым и дает понять, что речь идет, по сути, о единственном приемлемом для него творческом прообразе²².

Бунин затрагивает и вопрос, отчего его слава в предреволюционной России оказалась недолговечной. Эта тема очерчивается буквально несколькими строками. В отличие от предыдущих автобиографий, здесь он не останавливается на истории литературных споров (для читателя в 1950-е гг. это уже анахронизм), не разбирает взаимоотношения литературных групп и кружков начала XX в. В качестве основного фактора он называет только революцию.

Со времени описываемых роковых событий прошло сорок лет. Бунина уже явно не влекут яркие обличения предреволюционной общественной ситуации: она и без того известна нынешним адресатам текста. Разве что два момента всё еще кажутся Бунину важными и символическими: захват власти Лениным и бегство сотен тысяч людей, имевших возможность бежать.

Взволнованный, драматичный тон письма к Боссару остался в прошлом. Его сменил четкий, уничтожающий, немногословный рассказ о фактах.

Автобиография завершается двумя сведениями о литературных достижениях Бунина в период эмиграции: Нобелевская премия в 1933 г. и выход десяти новых книг.

Из проведенного здесь анализа трех автобиографий видно, что Бунин всякий раз характеризовал собственную личность несколькими неизменными чертами: антиреволюционно настроенный эмигрант, знаменитый писатель, сумевший утвердить себя и в чужой стране. Тем не менее существуют и различия.

В автобиографии 1921 г. Бунин обращался к читателям, не знающим русского языка и русской ситуации, и говорил при этом от лица всей среды беженцев из России, жертв революции.

В автобиографии 1934 г., предназначавшейся русскоязычным читателям, живущим, как и он сам, в эмиграции, Бунин с гордостью описал

²¹ Бунин И.А. Освобождение Толстого. Paris: Ymca-Press, 1937; *Bounine I. La délivrance de Tolstoï*. Paris: Gallimard, 1939.

²² См. Михайлов О.Н. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М., 1973. С. 47–48.

свою литературную деятельность, успешную даже после отъезда из России.

Нью-йоркская автобиография 1952 г. адресовалась крайне неоднородной публике, в которую входили русскоязычные читатели и из первой, и из второй — послевоенной — волн эмиграции, а также потомки эмигрантов, родившиеся уже вне России. Для этих читателей неприятие большевистской России было само собой разумеющимся фактором, так что Бунин смог обойтись без драматичных рассказов о зверствах революции. Он сосредоточился на перечислении важнейших литературных почестей, полученных им как на родине, так и в Европе, а также подчеркивал свою связь с Толстым, тем самым отдав дань великой русской литературе XIX в., достойным последователем которой он хотел себя представить.

Литература

Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–91.

Деотто П. Автобиография по заказу // «Образ мира, в слове явленный...»: Сб. в честь 70-летия проф. Ежи Фарыно / Red. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce: Instytut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2011. P. 83–89.

И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. 1015 с.

Михайлов О.Н. Путь Бунина–художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 7–56.

Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration // Cahiers du Monde russe. 2007. Vol. 48, № 1 (janvier-mars). P. 23–43.

Reference

Bunin I.A. “Khochu pechatat' sam, ibo vy, izdateli, vse zveri”: Perepiska I.A. Bunina s izdatel'stvom “Petropolis” [“I want to publish myself, because all of you, publishers, are beasts”: I.A. Bunin's correspondence with the “Petropolis” publishing house], intro. by S.N. Morozov, V.V. Leonidov; ed. and comment. by S.N. Morozov (with the participation of V.V. Leonidov). *Nashe nasledie*, 2001, no. 57, pp. 79–91. (In Russ.)

Deotto P. Avtobiografiiia po zakazu [Autobiography on request]. “*Obraz mira, v slove iavlennyi...*”: *Sb. v chest' 70-letiiia prof. Ezhi Faryno* [“The image of the world, revealed in a word...”: A collection in honor of the 70th anniversary of Prof. Jerzy Faryno],

ed. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce, Institut Filologii Polskiej i Lingwistiki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2011, pp. 83–89. (In Russ.)

I.A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiya [I.A. Bunin: Pro et contra. Ivan Bunin's personality and works estimated by Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 2001. 1015 p. (In Russ.)

Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration. Cahiers du Monde russe, 2007, Vol. 48, no. 1 (janvier-mars), pp. 23–43.

Mikhailov O.N. Put' Bunina–khudozhnika [The way of Bunin-artist]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 1* [Literary Heritage. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 books. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 7–56. (In Russ.)

Ivan Bunin: Three autobiographical notes

© 2019, Patrizia Deotto

Abstract: The article is devoted to the analysis of three autobiographies written by I.A. Bunin to order in 1921, 1934 and 1952 and prefaced his collections of stories and collected works published abroad. In these texts Bunin describes himself as an anti-revolutionary émigré and a recognized writer who is actively published in emigration. However, he rethinks these elements depending on time and addressees, giving his personality a different color.

Keywords: I.A. Bunin, autobiography, Russian émigrés

Information about the author: Patrizia Deotto, Doctor Hab., Professor, University of Trieste, Italy.

E-mail: pdeotto@units.it

Citation: Deotto Patrizia. Ivan Bunin: Three autobiographical notes. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 357–368. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-357-368